

— Как ты? — Янь Хан, испугавшись его внезапной реакции, понизил голос. — Напрягся, что ли?

— ...Н-нет, нет, — Чу И снова опустил голову, а потом поднял её:

— Я ведь ещё... ещё не взрослый. О таких вещах... такие темы... не подходят.

— А чего ты тогда дёргаешься? — спросил Янь Хан.

— Камешек, — сказал Чу И. — О-он... в-вроде бы... потерялся?

— Да нет, — Янь Хан с трудом приподнял левую лодыжку с привязанным камнем, потеряв её о правую голень, чтобы почувствовать. — На месте. Чувствую его. Узел крепкий, как он мог потеряться?

— Ох, — Чу И выдохнул с облегчением. — Я наступил... на что-то твёрдое... подумал, что это к-камешек.

— Не переживай, — улыбнулся Янь Хан. — На самом деле мне редко дарили подарки, если уж получу — так просто не разбрасываюсь.

Выходя из автобуса, Чу И всё ещё топтался на месте, наклонившись, словно у него обострился синдром навязчивых состояний — ему было жизненно важно разглядеть, на что именно он наступил.

— Разглядел? — спросил Янь Хан.

— Какая-то... крышка от бутылки, — Чу И поправил перекосившуюся одежду.

— Всего-то крышка, — сказал Янь Хан.

Чу И рассмеялся:

— Ещё меня дразнишь... вредный.

— Пошли, давай быстрее, а то вернёшься поздно — бабушка опять ворчать будет, — сказал Янь Хан.

— По вечерам м-меня никто не... не контролирует, — сказал Чу И, а затем, словно вспомнив, что нужно замедлиться, повторил:

— По... ве... черам... никто не... конт... контролирует... меня.

Янь Хан уже улыбался, когда мимо проехала машина и подала сигнал.

— Чу И! — кто-то окликнул его.

Янь Хан обернулся: к ним подъехала маленькая белая машина и остановилась рядом.

Окно со стороны пассажира было опущено. Янь Хан заглянул внутрь: на него смотрел мужчина средних лет.

— Папа, — Чу И подошёл к машине. — Ты вернулся?

— Куда ходили? — Папа Чу И открыл дверь и вышел. — Садитесь, я вас подвезу.

Сказав это, он бросил взгляд в их сторону и, скользнув глазами по лицу Янь Хана, вдруг замер.

Янь Хан быстро посмотрел на отца, но тот выглядел как обычно, даже улыбался:

— Чу И, поезжай с папой, мы тут совсем рядом, два шага — и на месте.

— Я... — Чу И замялся.

— Садись, — Янь Хан похлопал его по спине. — Хочешь пешком возвращаться?

— Ладно, — Чу И улыбнулся, открыл дверцу, сел, а потом приник к окну. — Сегодня было очень... здорово. Доброй ночи.

— Доброй ночи, — сказал Янь Хан.

— Доброй ночи, дядя Янь, — Чу И снова улыбнулся отцу Янь Хана.

— Доброй ночи, — тот помахал рукой.

Когда машина уехала, Янь Хан и его папа остались стоять на обочине, не двигаясь.

Помолчав немного, Янь Хан взглянул на отца:

— Кажется, папа Чу И видит тебя не в первый раз?

— Не знаю, — папа прикурил сигарету и продолжил путь. — Я вот его вижу впервые.

Янь Хан на мгновение замолчал, а потом пошёл следом.

Раньше он никогда не задал бы такой вопрос, но сейчас чувствовал себя ходячей энциклопедией «почемучек».

Чу И был взволнован. Весь вечер он был в приподнятом настроении, и сам это замечал, а раз замечал — значит, эмоции были настоящими.

Сидя на переднем сиденье, он тихонько напевал песенку.

— Это те двое, с которыми ты недавно познакомился? — спросил папа.

— Угу, Янь Хан, — Чу И кивнул. — И одежда, и обувь — это он мне... отдал.

— Его зовут Янь Хан, да? — папа посмотрел на него. — А тот мужчина — его отец?

— Да, — Чу И улыбнулся. — Мы только что вместе были на музыкальном фестивале.

— И когда вы познакомились? — снова спросил папа.

— В прошлом... месяце. — Чу И повернул голову и посмотрел на отца. Сегодня тот задавал слишком много вопросов. Обычно он этим не интересовался, да и вообще в их семье не было привычки расспрашивать друг друга о делах.

— Вот как, — папа подъехал к их дому и припарковался. — Ты знаешь, что у них за семья?

— А ч-что... случилось? — Чу И нахмурился.

— Мне кажется, его отец... — начал папа, — какой-то странный. Лучше... держись от них подальше.

Чу И опешил, но не успел ничего спросить — папа уже вытащил ключ из замка зажигания и вышел из машины.

— В чём... странность? — Чу И выскочил следом.

— Просто... беспокойно на душе, — ответил папа. — В целях безопасности.

— Понятно, — отозвался Чу И и больше не стал расспрашивать.

Когда они вернулись домой, бабушка и дедушка уже спали. Мама только что приняла душ и сидела перед телевизором. Увидев папу, она вытянула лицо:

— В вашей автотранспортной компании вообще платят за переработки? Сказал, что на час, а сколько тебя не было?

— Нужно было человека забрать, рейс задержали на час, — сказал папа.

— Чего тебя-то послали? Сегодня же твой выходной! В компании больше нет водителей? — мама была явно не в духе. — Ты бесхребетный какой-то, что скажут — то и делаешь, даже отказать не можешь!

— Старый Дин внезапно сказал, что не может, вот господин Ло и позвал меня. Что я мог сделать? — папа вздохнул и ушёл в ванную, закрыв за собой дверь.

— Старый Дин тебе уже столько времени пакостит! Господин Ло что, не знает?! Заставить тебя работать в его смену... — мама не унималась. — Это же форменное издевательство!

Из ванной не донеслось ни звука.

— Чего стоишь? Весь вечер где-то болтался, совсем голову потерял! — мама резко обернулась.

Чу И поспешно опустил голову, прошёл к письменному столу, включил лампу и сел.

— Уроки не сделал, а ещё хватает наглости по гулянкам шататься! — прикрикнула мама.

Чу И молча достал тетрадь и склонился над столом, стараясь спрятать лицо как можно ниже.

Лишь когда мама ушла в свою комнату, он выдохнул и посмотрел, что задали на дом.

Уроков было много, судя по всему, сидеть придётся до часу ночи, но Чу И было всё равно — после такого вечера он был готов хоть до самого утра писать.

Однако, написав пару строк, он остановился. Мамины упрёки не испортили его настроения, но вот слова отца заставили приуныть.

Мама называет папу «бесхребетным» — по правде говоря, это было недалеко от истины. Папа был трусоват, во всём проявлял чрезмерную осторожность, при возникновении любых проблем старался их просто избегать... Настоящий образец осторожности и боязливости.

А ведь, может, его собственная способность терпеть передалась ему именно от папы.

У папы ещё и подозрительность зашкаливала. Хотя он не воспринимал доброту окружающих как личное оскорбление, как это делали мама и бабушка, но всегда был уверен: при их семейных обстоятельствах любой, кто проявляет инициативу, обязательно роет им яму.

И вот, стоило один раз увидеть дядю Яня, как он сразу вынес такой вердикт. У Чу И стало тяжело на душе.

На взгляд Чу И, даже такие люди, как Ли Цзыхао, не были злодеями — так, просто следовали за толпой. Вот кого действительно стоило обходить стороной, так это таких, как Лян Бин.

Да, и ещё старый Дин.

Коллега папы. Чу И видел его лишь раз, даже не разговаривал, но почему-то боялся этого человека — у него был очень злой взгляд.

Сказать, что папа с ним не ладил, было бы неточно — просто папа в одиночку считал старого Дина неприятным типом, опасным. Старый Дин даже не удостаивал папу взглядом, а недавно ударил его из-за какого-то спора про заправку машины.

Но папа, из-за своего характера, всё равно при следующей встрече выдавил из себя неловкую улыбку.

Если так рассудить, он всё же посильнее отца. Хотя он и терпит неприятных людей, но хотя бы не заставляет себя им лстить.

Голова Чу И была забита сумбурными мыслями: папа, музыкальный фестиваль, Янь Хан...

Янь Хан — очень необычный человек.

И не только потому, что он стал его первым настоящим другом за всё время.

Отлично знает английский, красивый, иногда такой крутой и наглый, ловко дерётся, готовит просто потрясающе, а ещё у него такие красивые лодыжки...

А главное, он очень добрый.

Даже узнав, какая у него бабушка, в каком положении находится его семья, и зная, что он — человек, который всё сносит без всяких принципов, Янь Хан всё равно относится к нему с уважением.

Да, именно с уважением.

Чу И прилёг на стол. Янь Хан его уважает.

Какой же он замечательный.

— Будешь поздний ужин? — спросил Янь Хан, входя в дом и обращаясь к отцу.

— Напился чаю, аж распирает, — папа зевнул. — В меня больше не влезет. Если проголодался и хочешь что-то приготовить — я за компанию посижу.

<http://bllate.org/book/18095/1738883>